

Политические ссылки г. Вологды в 1907 г.
(по материалам анкетирования колонии политссыльных)

*Ф.Я. Коновалов – профессор кафедры отечественной истории
Вологодского государственного педагогического университета.
кандидат исторических наук*

В Государственном архиве Вологодской области сохранились интересные документы – анкеты политических ссыльных, которые имеют название «Опросный листок для членов колонии политических ссыльных города Вологды». Анкеты изготовлены типографским способом, а заполнены, естественно, от руки. Опросные листы были изъяты при обыске у санитарного врача Вологодской губернской земской управы П. Филиппова в 1908 г., но заполнены были, видимо, чуть раньше – в 1907 г. Кто проводил анкетирование, выяснить не удалось.

Опросные листки включают следующие пункты: «1. Имя, отчество, фамилия. 2. Сословие. 3. Место постоянного жительства. 4. Лета. 5. Семейное положение. 6. Образование. 7. Род занятий. 8. Заработок до ссылки (у крестьян – подсобные промыслы и количество земли). 9. Время и место ареста. 10. Срок тюремного заключения. 11. Время, проведенное в пересыльных тюрьмах. 12. Срок ссылки. 13. За что выслан; принадлежит ли к какой-либо партии? 14. Который раз высылается? 15. Пришло ли в ссылку семейство и сколько душ? 16. Сколько казенного пособия? 17. Состоит ли членом колонии? 18. Имеет ли заработок и какой? 19. Постоянный или временный? 20. Имеют ли заработок члены семейства? 21. Как удалось найти занятие, случайно или по протекции? 22. Велик ли заработок в месяц? 23. Не получает ли частного пособия (постоянного или временного) и сколько? 24. Хватает ли на содержание пособия? 25. Если не имеет заработка и пособия, то на какие средства существует? 26. На какие средства живет семейство, если оно осталось дома? 27. Сколько платит за квартиру? 28. Имеет ли отдельную комнату? 29. Ведет ли свое хозяйство, а если нет, то как устроил стол – коммуна или наймом, указать расход на стол? 30. Занимается ли наукой или общест-

енной деятельностью? 31. Сколько денег уходит на духовные нужды? 32. Как относится к организации ссыльных, не замечает ли отрицательных сторон ее, не знает ли средств к их устранению?» Всего до нас дошло 75 анкет¹, но, судя по тому, что они изготавливались типографским способом, их было значительно больше.

В 1906–1907 гг. практически во всех городах Вологодской губернии, где имелись политссыльные, возникли колонии как средство организации ссыльных в отстаивании своих прав перед администрацией. В 1912 г. начальник Вологодского губернского жандармского управления полковник Конисский так характеризовал эту ситуацию: «...При предместнике нынешнего губернатора... А.Н. Хвостове «колонии» представляли собой... серьезные учреждения. Они являлись официальными организациями с таким льготным преимуществом, какого не имело даже благонадежное население, как право собирать собрание без представителей полиции. При А.Н. Хвостове даже состоялся в Вологде съезд представителей от колоний ссыльных, сорванный самими же ссыльными из-за их требований, в конце концов превысивших всякие меры...». Этот период ссыльные называли «медовым месяцем после революции»².

По всей видимости, анкетирование должно было помочь в решении нескольких задач. Во-первых, получить систематическую информацию о материальном положении ссыльных от них самих, во-вторых, выяснить их взгляды на колонию как организацию ссыльных. Вне зависимости от причин, вызвавших появление данных анкет, они дают исследователям значительный объем информации о партийном, возрастном, семейном, образовательном состоянии политических ссыльных. Несмотря на то, что в анкетах содержатся сведения только о ссыльных города Вологды, в силу массовости они могут служить своеобразным срезом всей вологодской ссылки на данный период.

Уникальность «опросных листов» заключается в том, что это, пожалуй, единственный источник, который в достаточно систематизированном виде показывает нам материальную сторону жизни политссыльных, изученную хуже всего. Если исследователи к ней и обращались, то, как правило, ограничивались эмоциональными суждениями и приведением разрозненных сведений, извлеченных из воспоминаний, писем ссыльных и некоторых полицейских документов. Анкеты ссыльных г. Вологды позволяют охарактеризовать материальное положение ссыльных более обстоятельно и конкретно.

Большинство ссыльных подверглись аресту между январем и июлем 1906 г. и провели в тюрьме от трех до пяти месяцев. После пересыльной тюрьмы они попали в Вологду в период между июнем и декабрем 1906 г. Для 7 чел. это была вторая ссылка, для остальных – первая. У 41 чел. сроки ссылки были определены: пять лет имел 1 чел., четыре года – 2, три года – 21, два с половиной года – 1, два года – 15, один год – 1 чел. Остальные 34 чел. были отправлены в ссылку с формулировками «до снятия военного положения»

¹ См.: Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 108. Оп. 5. Д. 70. Л. 2–76.

² Там же. Ф. 108. Оп. 5. Д. 102. Л. 153–154.

или «на время чрезвычайной и усиленной охраны» в соответствующей губернии. Существующее законодательство Российской империи позволяло это сделать. Передача власти военным на отдельных территориях и предоставление губернаторам чрезвычайных полномочий на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹ были обычной практикой в борьбе с революционным движением. В числе чрезвычайных мер была и административная ссылка, назначаемая во внесудебном порядке, которая позволяла оперативно изолировать противников режима.

Причины ареста и последующей ссылки указывались анкетирруемыми не совсем точно. На вопрос «За что выслан?» встречаются, например, такие ответы: «за устройство митингов», «за вредное направление и неповиновение властям», «за влияние на массы», «за политические убеждения» и др. Таким образом, данные документы отражают понимание самими ссылными причин наказания. Самой распространенной причиной высылки являлась противоправительственная пропаганда и агитация (18 чел.). «За политические убеждения», «как неблагонадежные» отбывали наказание 9 чел., за организацию различных союзов (Крестьянского, Учительского и др.) и принадлежность к ним – 8 чел., за организацию и участие в забастовках – 5 чел., «за принадлежность к партиям» – 6 чел., «за порубки леса», «аграрные беспорядки» и др. – 4 чел. 23 чел. не ответили на этот вопрос анкеты. Интересен еще один момент: 21 чел. (28%, то есть больше четверти) открыто заявил, что является членом партии. К сожалению, только 7 чел. точно определили свою партийную ориентацию: 5 чел. заявили о своем членстве в ПСР и двое – в РСДРП.

Образовательный уровень ссыльных немного отличался в лучшую сторону от образовательного уровня населения России. Поскольку абсолютное большинство анкет заполнено ссыльными собственноручно, можно смело утверждать, что грамоту знали все, за исключением одного 52-летнего крестьянина, высланного «за порубку леса». 16 чел. указали, что никакого учебного заведения не кончали, 28 – закончили начальную школу, 5 – низшие специальные учебные заведения («училище по садоводству», «техническое училище»), 9 чел. имели среднее, среднее специальное и незаконченное среднее образование, 2 чел. окончили духовную семинарию и 2 чел. получили высшее образование. Таким образом, только 13 ссыльных (17,3%) имели достаточную теоретическую базу для ведения революционной работы.

По сословному составу ссыльные распределялись следующим образом: 48 крестьян, 12 мещан, 5 казаков, 4 дворянина и чиновника, 2 личных и потомственных почетных гражданина, 2 детей священнослужителей, 2 не указали сословную принадлежность. Сословная принадлежность не вполне точно отражает социальный состав ссыльных. Земледелие («хлеборобство», «сельская работа» и др.) являлось основным занятием до ареста только у 16 чел. Остальные уже перешли или на положение рабочих (слесарей, столя-

¹ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1885. Т. 1. № 350. С. 261–266.

ров, токарей), или в разряд служащих и низшей интеллигенции («волоостной старшина», «волоостной писарь», «письмоводитель», «конторщик», «коммерческий агент»). Один, указав, что по сословному происхождению является крестьянином, по роду занятий назвал себя «живописцем». Очень много среди ссыльных учителей – 15 чел., есть техник-строитель, механик, электротехник, акушерка и даже один полицейский.

По национальному составу ссыльные делились следующим образом: 17 русских, 16 малороссов, 21 латыш, 4 эстонец, 9 евреев, 1 грузин. Остальные 7 ссыльных не указали свою национальность. В Вологодскую губернию традиционно много ссылали из южных губерний (Могилевской, Волынской, Харьковской, Полтавской и др.), реже – из Прибалтики. Не абсолютизируя приведенные данные по национальному составу, один бесспорный вывод можно сделать: население национальных окраин было более активно в борьбе с самодержавием, чем великороссы. Их подталкивало на борьбу с существующей властью не только недовольство существующей политической системой, но и стремление к национальному самоопределению.

По возрасту также наблюдалась противоречивая картина: в возрасте до 20 лет было 3 человека, от 21 до 30 лет – 41, от 31 до 40 лет – 17, от 41 до 50 лет – 10, свыше 50 лет – 4. Таким образом, среди участников борьбы с правительством более 40% составляли люди старше 30 лет. Еще более показательны в этом отношении данные о семейном положении ссыльных. Почти половина из них – 35 чел. – семейные люди, и почти у всех из них есть дети.

Абсолютное большинство ссыльных – мужчины (70 чел.). Среди пяти женщин две замужние дворянки, замужняя крестьянка, дочь «земледельца», девица, и одна женщина, не указавшая своего семейного положения.

15 чел. прибыли в ссылку вместе с семьями. В большинстве семей – один-два ребенка. О том, почему некоторые подвергали тяготам ссылки свои семьи, можно только догадываться. Вероятно, заработки главы семьи были единственным источником дохода, поэтому оставить своих близких на старом месте жительства означало подвергнуть их еще большим испытаниям.

Наказав человека ссылкой, правительство, однако, брало на себя заботу о его материальном обеспечении на новом месте. Статья 34 «Положения о полицейском надзоре», регулировавшего положение ссыльного, гласила: «Лица, высланные под надзор полиции и не имеющие собственных средств существования, получают от казны пособие на основании существующих узаконений». Статья 36 уточняла, что «семействам, последовавшим за высланными лицами», тоже выдается пособие¹.

В 1906 г. для непривилегированных слоев казенное пособие составляло 7 руб. 40 коп. в месяц, для привилегированных (дворяне, лица духовного звания, потомственные почетные граждане) – 11 руб. Если ссыльного сопровождала жена, то ей полагалось такое же пособие. На детей же пособие выдавалось в половинном размере. Если, например, вместе со ссыльным жила же-

¹ Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1886. Т. 2. № 730. С. 87.

на и двое детей, то они получали 22 руб. 20 коп. Ссылный мог отказаться от получения пособия. Например, дворянка Антонина Васильевна Кудрявцева, жившая в ссылке в Вологде с двумя малолетними дочерьми, пособия не получала, а жила на средства мужа-врача. Она снимала 6-тикомнатную квартиру, за которую платила ежемесячно по 50 руб.

На одно казенное пособие, судя по анкетам, жило только 26 из 75 чел. (34,6%). На вопрос «Хватает ли на содержание пособия?» почти все они ответили, что не хватает. Некоторые добавляли к этому, что часто голодают. Учитывая, что снять комнату в Вологде стоило в указанное время от 2 до 3 руб., прожить на оставшиеся 4–5 руб. в месяц было действительно трудно. Поэтому в целях экономии ссылные снимали одну комнату на двоих-троих (один даже ответил, что в комнате живут впятером) и жили «коммуной». Готовили еду сразу на несколько человек, а если столовались у хозяйки, то получали небольшие скидки. Правда, некоторые косвенные сведения позволяют предположить, что не все из 26 человек ответили на соответствующие пункты анкеты прямодушно. В частности, крестьянин Д.В. Карабут, хотя и писал, что денег «на содержание» не хватает, а дополнительный заработок отсутствует, но жил один и платил за квартиру 10 руб. Также кривили душой, отвечая, что денег на содержание не хватает, мещанин М. Телешинский и крестьянин Н.С. Никитинский, платившие за квартиру соответственно 14 и 16 руб. в месяц. Однако были и другие ситуации. Один из ссылных, имея на содержание только одно «казенное пособие», писал, что его «иной месяц достаточно». Он в отличие от своих товарищей по несчастью не собирался преувеличивать размеры своих материальных лишений и выпрашивать чьей-то помощи.

Большинство ссылных помимо «казенного пособия» имели или дополнительные заработки, или денежную помощь со стороны. Постоянный приработок имели только 20 чел., из них трое учителей, два сотрудника газеты: конторщик, механик, электротехник, акушерка. Заработки составляли от 15 до 100 руб. в месяц. Один ссылный, имея сравнительно небольшой приработок в 10 руб., часть денег высылал жене. Легче было найти работу тем, кто имел «городскую» профессию. Тем же, кто раньше занимался земледелием, получить даже низкооплачиваемую работу в городе было очень трудно.

Значительная часть ссылных получала постоянные или временные «частные пособия». Не все раскрывали источники этих частных пособий, но можно догадаться, что одних поддерживали оставшиеся на родине домашние, других, видимо, партийные организации, в которых они раньше состояли («получаю пособие от товарищей»). В частности, один из ссылных получил 32 руб. «от рабочих из Ревеля», а бывший волостной писарь К. Г. Брауэр – 25 руб. от своих сослуживцев из Эстляндской губернии. Одни получали такие «частные пособия» регулярно, другие – единовременно. Так или иначе даже небольшая помощь была очень существенна для ссылных.

30-й и 31-й вопросы анкеты сформулированы не совсем корректно. Вряд ли можно спрашивать у людей, большинство из которых имели лишь начальное образование, занимаются ли они наукой? Неудивительно, что 44 чел.

из анкетированных (59%) либо проигнорировали этот вопрос, либо ответили отрицательно. Лишь 4 чел. ответили, что они занимаются наукой, не пояснив какой именно. 6 чел. сообщили, что занимаются «общественной деятельностью». К сожалению, они не уточнили, в чем заключается эта общественная деятельность. По данным анкет, 6 чел. занимались «самообразованием», 3 «готовились на аттестат зрелости», 1 посещал вечерние курсы в реальном училище, 1 был «слушателем курсов общественного развития», 1 занимался «изучением анархистской литературы», 1 – богословием, 1 учил грамоту, 1 занимался чтением книг. И лишь один заявил, что он «работает в партии РС (социалистов-революционеров)». Таким образом, можно говорить о том, что пропагандистская и иная революционная работа не являлась для ссыльных доминирующим видом деятельности. Вырванные из своего прежнего окружения, они вели жизнь обыкновенного обывателя, не очень-то заботясь о том, что будет в дальнейшем.

Отношения внутри сообщества ссыльных затрагивает последний вопрос анкеты: «Как относится к организации ссыльных, не замечает ли отрицательных сторон ее, не знает ли средств к устранению их?» Из 75 анкетированных только 65 являлись членами колонии, и это тоже своеобразный показатель рассматриваемых взаимоотношений. Как это ни странно, однозначных положительных высказываний об «организации ссыльных» немного – всего 10 («отрицательных сторон не замечал», «устройство колонии образцово» и др.). 35 чел. вообще никак не ответили на этот вопрос, а остальные высказали много критических замечаний. Наибольшее недовольство вызывали неурядицы среди ссыльных. Один из ссыльных так изложил их причины: «...Видимо, единения достигнуть невозможно. Самыми вредными препятствиями... служат, во-первых, очень большое разнообразие в нравственных качествах ссыльных, так сказать от *minimum* (допускающего пьянство и разврат) до *maximum* (требующего осуществления чуть ли не социализма)». Одни предлагали «исключить из колонии тех лиц, которые посредством пьянства, разврата, корыстных целей позорят честное имя политического ссыльного и члена освободительного движения». Другие считали, что в ссылке должны быть все равны («не нужно быть привилегированным, нужно отдавать получаемые свыше 7 руб. 40 коп. в кассу для благ ссыльных»). Третьим не нравилось, что ими пытаются руководить («прошу оставить образованных членов колонии свои чиновничьи выходки»). Четвертые были недовольны, что «товарищи, прииславшие себе работу, уходят из колонии и не поддерживают касс взаимопомощи». Наконец, пятые высказывали обиду, что в отношении их не проявлено особенного внимания («так как организация по сие время не обнаружила ко мне и вообще к моим землякам, эстонцам, никаких притягательных свойств... отношение мое к оной организации могло только соответствовать таковому бездействию»). Большинство ссыльных хотя и полагали существование колонии в настоящем виде невозможным, в целом считали, что организация ссыльных «желательна». Имелись и отдельные предложения по реформированию. Один предлагал «разбиться на группы по

профессиям, по партиям или даже по землячествам», другой — «нанять на общие средства квартиру-клуб, в котором собираться обсуждать нужды и читать, а также всякий поступок ссыльного, действующего отрицательно на массы, обсуждать в товарищеских собраниях».

Таким образом, жизнь сводила в ссылке самых разных людей: молодых и старых, серьезных и легкомысленных, убежденных революционеров и конформистов. Колонию ссыльных раздирали внутренние противоречия, какого-то единства, несмотря на, казалось бы, одинаковое положение ссыльных, не существовало. Колония действовала лишь как формальное объединение людей, попавших в новую среду и чувствовавших, что совместное существование является для них единственным средством защиты от непривычного и враждебного мира.